

Антони Маркунас

Стереотипность как концептосфера в русском языке, литературе, культуре и преподавании русского языка

Studia Rossica Posnaniensia 30, 17-21

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СТЕРЕОТИПНОСТЬ КАК КОНЦЕПТОСФЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ, КУЛЬТУРЕ И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

STEREOTYPY AS A SPHERE OF CONCEPT IN RUSSIAN LANGUAGE, LITERATURE, CULTURE AND RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

АНТОНИ МАРКУНАС

ABSTRACT. After giving the definition of a sphere of concept the text presents justification of taking up the phenomenon of stereotypy in a broadly understood culture. The article shows the examples of stereotypical images about the Russians. Moreover, it analyses the present situation of the Russian language and its teaching. A poem by Ivan Bunin concludes the article.

Antoni Markunas, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61–874 Poznań, Polska – Poland.

Русскую концептосферу позволительно рассматривать как понятийную систему представлений, наиболее тесно связанную с русской культурой и менталитетом. По современным соображениям каждый дискурс (рассуждение) формируется вокруг какого-либо концепта (понятия). Наряду с этим, как неоднократно высказывался академик Д.С. Лихачев, история культуры есть не только история изменений, но и история накопления повторяющихся ценностей. Травестируя его авторитетные слова, можно сказать, что в рамках одной, нескольких или даже большинства наций наравне с креативными явлениями имеется также кумуляция стереотипов, штампов, шаблонов, трафаретов, схем, норм, клише и т. п. Согласно учению И.П. Павлова, под влиянием внешнего стереотипа повторяющихся воздействий формируется устойчивая система нервных процессов – динамический стереотип. Он зависит, с одной стороны, от индивидуальности, но с другой – и от сложности системы раздражителей. Иначе говоря, динамический стереотип образуется на основе врожденных безусловных рефлексов и индивидуального жизненного опыта (условных рефлексов), то есть повторяющихся воздействий. Памятуя об этих фактах, стоило избрать в качестве канвы рассуждений именно вышеназванную тему и она преобладает в настоящем сборнике.

Сегодня, когда на наших глазах рождается новая цивилизация, независимо от того, какой нации касается ее эволюция, когда мир стал более открытым, а процессы глобализации, интеграции и унификации перед нами налицо, становятся абсолютной потребностью не только эффективность экономики, но и взаимопроникновение культур, осознание своеобразия каждой из них, постижение духовных особенностей отдельных народов.

Русский государствовед, правовед, политолог, социолог и философ И.А. Ильин в этой связи аксиоматично излагал свое мнение так: „Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благодарит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина, иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад. Словом, у каждого народа особый душевный уклад и духовно-творческий акт”¹.

Несмотря на полемическую заостренность, в этом есть определенная доля истины. Культура, в отличие от цивилизации, у каждого народа своя и это создает красоту разнообразия.

В свое время еще Артур Шопенгауэр утверждал, что любая нация издевается над остальными и все они совершенно правы. Философ не без основания считал, что недостатки и пороки, как и положительные черты большинства народов, приблизительно одинаковы. Общеизвестно, что национальные стереотипы в бытовом сознании предопределяют следующее: англичане сдержанны, немцы пунктуальны, японцы трудолюбивы, шотландцы скупы, итальянцы влюбчивы, американцы предприимчивы, поляки горделивы... Примеры можно, конечно, приводить и дальше, но это ведь опять лишь стереотипные представления о менталитете, понимаемом как разница между людьми различных политических систем, их оценок и взглядов, обусловленных возрастом, образованием, воспитанием, культурным уровнем, образом жизни членов данной этнической группы и т. д.

А вот как охарактеризовать, не обижая, русских? Какие они? Каков их уклад жизни? Что принято и что не принято у россиян? Стереотипное отношение, к сожалению, многих к русскоязычной культуре очень не простое, для русистов в целом порой не самое благоприятное и об этом нельзя не сказать. По отношению к россиянам русофобы (и даже русофилы) часто сходились на таких изъянах, как пьянство, лень, коварство, пассивность. Вместе с тем – необыкновенная одаренность в области искусства, широкая натура, способность

¹ И.А. Ильин, *Наши задачи. Историческая судьба и будущее России*, т. I, Москва 1992, с. 280.

к крайностям, экстремальному поведению – вот только некоторые амбивалентные, расхожие мнения. Недаром смертельную игру с пистолетом, заряжен он или не заряжен, выстрелит или даст осечку, назвали „русской рулеткой” и русская литература сделала игроков, людей отчаянных, своими героями, которые рискуют, ставят свою жизнь на карту. Стереотипные экспектации культурного и социального поведения русских в разных ситуациях повседневной жизни могут вызывать некоторый шок в случае, если подобные суждения, зачастую предвзятые, на практике оказываются ложными.

Разрушение бытующих стереотипов такого рода помогает не только в непосредственных контактах, но позволяет лучше и глубже понимать литературу, произведения русского искусства, театральные спектакли, кинофильмы, программы телевидения и т. п., в которых проявляются вербальные и внеязыковые интеракции россиян, их коммуникативные стратегии. Определенный портрет создается прежде всего с помощью – по словам И.С. Тургенева – „великого, могучего, правдивого и свободного” русского языка, без которого – за исключением визуальных и музыкальных – не создаются продукты духовной культуры, а язык по-настоящему можно понять лишь тогда, когда понимаешь, по сути дела, больше, чем выражено с его помощью. По меткому изречению А.И. Куприна, „...язык – это путь цивилизации и культуры”. В контексте русской действительности сие особенно осязаемо вместе с введением письменности и одновременным крещением восточных славян, а это способствовало возникновению великого духовного наследия и современных трансформаций в доселе невиданных масштабах.

Хотя данный процесс не поддается достоверному прогнозированию, существует убеждение, что так называемое „русское языковое пространство” определится не геополитическими изменениями и военными блоками, а прежде всего экономическим сотрудничеством, торговлей, наукой и техникой, ибо Россия остается стратегическим партнером для многих стран мира².

Также удовлетворение культурных и духовных запросов многих людей, понимание „загадочной русской души” и просто человеческие личные симпатии это пространство значительно расширяют в виде межнационального общения. Смее утверждать, что распространению сфер применения русского языка содействуют и мероприятия, похожие на наше начинание, поэтому познаньские русисты не унывают, а наоборот, делают все возможное, чтобы доказать несостоятельность пессимистических умозаключений в этом отношении.

Как мы знаем, в настоящее время в русской речи, литературе, средствах массовой информации наблюдается засилье новых стереотипов, отражающихся в языке измененной политики, юриспруденции, компьютерных технологий, рыночных отношений, разговорной табуированной лексики, америка-

² Подробнее см.: В.Г. К о с т о м а р о в, *Русский как редкий*, „Московские новости” 2001, № 8, с. 15.

низированного молодежного сленга, засорения англицизмами и неологизмами³. Зачастую отступления от литературных норм бывают и интралингвального характера в силу того, что:

- имеются нарушения фундаментальных системных закономерностей (*много урожая собрато*);

- встречаются отклонения от культурно-речевых норм (*одеть – надеть, приведённый – приведённый, начать – начать*);

- не соблюдаются этические и эстетические нормы публично звучащей или напечатанной речи, с использованием т. наз. обценной лексики;

- имеет место экономия усилий – речевая компрессия (*мобильный телефон-мобильник*);

- преобладает злоупотребление имплицитными конструкциями⁴.

Но хочется надеяться, что эти негативные факты – следствие временной карнавализации, торжества высвобождения от запретов и язык как самоочищающаяся система вновь обретет определенные стандарты и станет *lingua franca*, то есть важным языком международной коммуникации не только в нашем регионе. Как это ни парадоксально, но уже с образованием новых государств на территории бывшего СССР заинтересованность русским языком еще более возросла (например, направляемые миссии Организации Объединенных Наций в азиатские республики, по просьбе руководства этих республик, изыскиваются на русском языке).

Следует, правда, отметить, что в большинстве постсоветских республик русский изучается как второй или третий иностранный язык, за исключением Белоруссии и Киргизии, где он остается государственным наравне с национальным языком. Что касается Польши, то здесь стереотипная картина: сначала свертывание правительством всеобщего преподавания русского языка и неподготовленный переход к обучению западным языкам; затем осознание невозможности переориентировать страну на западноевропейские языки и постепенный возврат к русскому, хотя и не повсеместно, а по желанию и в зависимости от преподавательского контингента. Таким образом, номинальное число школьников и студентов, изучающих русский, уменьшилось примерно в 10 раз, а реально и те, и другие добровольно выбирают и сдают русский (не только деловой) язык почти в таком объеме, как и до польской „перестройки”. Подготовку же польских студентов-русистов необходимо рассматривать сквозь призму приоритетов основательного изучения и преподавания русского языка, литературы и культуры на подобающем уровне. Этому способствуют не только компетенция профессорско-преподавательского состава, наличие современных дидактических средств, но и обмен мнениями по многочисленным вопросам кросскультурного общения, которое – я надеюсь – до опреде-

³ Ср.: В.Н. Шапошников, *Иностранные слова в современной русской жизни*, „Русская речь” 1997, № 3, с. 38–48.

⁴ Более детально см.: Ю.И. Карулов, *О состоянии современного русского языка*, „Русская речь” 2001, № 3, с. 25–30.

ленной степени совершится также благодаря опубликованным текстам в наших ученых записках.

Мне представляется, что в заключение, будет уместным напомнить строки И.А. Бунина о роли слова и речи как безграничного сокровища во времени и пространстве, которые вопреки стереотипной, привычной сути некоторых языковых элементов с позиций концептосферы, являются весьма оригинальными и привлекательными:

Молчат гробницы, мумии и кости –
– Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас другого достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бессмертный – речь.

Остается добавить, что в рамках ожидаемого общеевропейского культурно-образовательного пространства таким „бессмертным даром” для многих может стать также русская речь, а через языковое отображение это может содействовать более успешному познанию россиян и современной России в целом.